

Священник Александр Мазырин

К вопросу о причинах поддержки святого патриарха Тихона (Беллавина) патриархом Мелетием (Метаксакисом) весной 1923 г.

УДК [271.2(47+57)+271.21(560)]-9"1923"
DOI 10.47132/1814-5574_2023_3_327
EDN LQRHIM

Аннотация: Статья посвящена историческому парадоксу: как могло получиться, что проводивший откровенно враждебную Русской Православной Церкви политику Константинопольский патриарх-модернист Мелетий (Метаксакис), ранее выражавший готовность послать своих представителей на московский обновленческий собор, в последний момент отказался от поддержки обновленцев и выступил в защиту патр. Тихона (Беллавина)? По мнению автора, ответ на этот вопрос кроется не столько в церковной, сколько в политической плоскости. Полная ориентированность патр. Мелетия на Великобританию в условиях острого советско-британского дипломатического конфликта весной 1923 г., грозившего перерасти в военное столкновение, не оставляла ему возможности для маневра во взаимоотношениях с российскими раскольниками, выполнявшими в отношении патр. Тихона политический заказ большевиков. Свою роль сыграла и ситуативная заинтересованность главы Фанара в привлечении на свою сторону русских зарубежных иерархов для их участия в так называемом Всеправославном конгрессе в Константинополе (направленном, главным образом, на облегчение объединения с англиканами).

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Константинопольский Патриархат, патриарх Тихон (Беллавин), патриарх Мелетий (Метаксакис), межцерковные взаимоотношения, гонения на Церковь, обновленческий раскол, Всеправославный конгресс 1923 г., англиканство, ультиматум Керзона.

Об авторе: **Священник Александр Владимирович Мазырин**

Профессор, доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор кафедры общей и русской церковной истории и канонического права Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ).

E-mail: am@pstbi.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6490-9745>

Для цитирования: Мазырин А., свящ. К вопросу о причинах поддержки святого патриарха Тихона (Беллавина) патриархом Мелетием (Метаксакисом) весной 1923 г. // Христианское чтение. 2023. № 3. С. 327–342.

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках проекта «Развитие взаимоотношений Русской Православной Церкви с другими Поместными Церквями в 1917–1945 гг. в свете изменений политической обстановки и особенностей экклезиологических воззрений ведущих церковных деятелей того времени» при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция».

Статья поступила в редакцию 02.12.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 29.01.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2023

Priest Alexander Mazyrin

**On the Question of the Reasons for the Support
of Patriarch Saint Tikhon (Bellavin)
by Patriarch Meletios**

UDK [271.2(47+57)+271.21(560)]-9"1923"
DOI 10.47132/1814-5574_2023_3_327
EDN LQPHIM

Abstract: The article is devoted to a historical paradox: how could it happen that the modernist Patriarch of Constantinople, Meletios (Metaxakis), who pursued a policy openly hostile to the Russian Orthodox Church and previously expressed readiness to send its representatives to the Moscow Renovationist Congress, refused to support the Renovationists at the last moment and defended Patriarch Tikhon (Bellavin)? According to the author, the answer to this question lies not so much in the church, but in the political plane. Patriarch Meletius' complete orientation towards Great Britain in the conditions of an acute Soviet-British diplomatic conflict in the spring of 1923, which threatened to escalate into a military clash, left him no room for maneuver in relations with Russian schismatics who carried out the Bolsheviks' political order against Patriarch Tikhon. The situational interest of the head of the Fanar in attracting Russian foreign hierarchs to his side for their participation in the so-called Pan-Orthodox Congress in Constantinople (aimed mainly at facilitating unification with the Anglicans) also played a role.

Keywords: The Russian Orthodox Church, the Patriarchate of Constantinople, Patriarch Tikhon (Bellavin), Patriarch Meletius (Metaxakis), inter-church relations, persecution of the Church, the Renovationist schism, the Pan-Orthodox Congress of 1923, Anglicanism, the Curzon ultimatum.

About the author: **Priest Alexander Vladimirovich Mazyrin**

Professor, Doctor of Church History, Ph.D. in Historical Sciences, Professor at the Department of General and Russian Church History and Canon Law of the Orthodox St. Tikhon's University (OSTU), Moscow, Russia.

E-mail: am@pstbi.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6490-9745>

Funding: The publication was prepared within the framework of the project "Development of Relations between the Russian Orthodox Church and other Local Churches in 1917–1945 in the light of changes in the political situation and the peculiarities of ecclesiological views of leading church leaders of that time" with the support of the OSTU and the Living Tradition Foundation.

For citation: Mazyrin A., priest. On the Question of the Reasons for the Support of Patriarch Saint Tikhon (Bellavin) by Patriarch Meletios. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 3, pp. 327–342.

The article was submitted 02.12.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 29.01.2023.

Развитию взаимоотношений Русской и Константинопольской Православных Церквей в XX в. посвящено уже несколько монографических трудов [Герд, 2012; Мазырин, Кострюков, 2017; Шкаровский, 2014]. Несложно установить момент, когда эти взаимоотношения начали стремительно ухудшаться. Основы современной агрессивной политики Константинопольской Патриархии, ныне приведшей к разрыву евхаристического общения двух Церквей, были заложены в 1922–1923 гг. при начавшем всемирную экспансию Фанара патр. Мелетии IV. В свете этого довольно удивительным выглядит факт поддержки со стороны этого крайнего греческого националиста и русофоба, весной 1923 г. готовившегося предстать перед ангажированным советским судом святого патриарха Московского Тихона. Данный сюжет, конечно, так или иначе уже попадал в поле зрения церковных историков, но специальных исследований ему посвящено не было.

За годы своего отмеченного многими скандалами служения патр. Мелетий (Метаксакис) побывал в юрисдикции всех греческих автокефалий и почти везде отметил борьбой с русским церковным присутствием. Еще будучи архимандритом и обер-секретарем Иерусалимской Патриархии, он в 1908 г. стал одним из главных организаторов заговора против местного патр. Дамиана (Касатоса), которого обвинили «в предательстве интересов эллинизма и в космополитизме, приписав ему готовность принимать в ряды Святогробского братства русских, арабов, румын и болгар» [Якушев, 2013, 211]. Заговор окончился неудачей, и архим. Мелетию (Метаксакису) пришлось покинуть Святую Землю, после чего он на время обосновался на Кипре, где быстро продвинулся по иерархической лестнице и в 1910 г. стал митрополитом Китийским. В таком качестве он в 1913 г. посетил оккупированный греческой армией в ходе Балканских войн Афон, где развернул активную антирусскую и антиславянскую пропаганду, агитируя монахов-греков просить афинского короля принять Святую Гору в полное владение Греции. (Россия тогда выступала за установление кондоминиума православных государств над Афоном.) Письменным памятником той мелетиевской пропаганды осталась его более чем 200-страничная книга «Святая Гора и российская политика на Востоке» (*Μελετίος Μεταξάκης*, 1913). Агитация митрополита Китийского возымела успех, и вскоре от имени 20 афонских монастырей (кроме Пантелеимонова) была подписана соответствующая петиция в адрес короля эллинов [Герд, 2012, 238–239; Троицкий, 1997, 142–145]. Впоследствии Афон был уже не просто оккупирован, но и аннексирован Грецией.

В начале 1918 г. митр. Мелетий по протекции греческого премьер-министра Э. Венизелоса был продвинут на Афинскую кафедру, но через три года, после поражения венизелосистов на выборах, покинул Грецию, отправившись через Лондон в Америку. Константинопольским патриархом митр. Мелетий был провозглашен в ноябре 1921 г. Его избрание не было признано ни одним другим восточным патриархом, а церковный суд в Афинах, где тогда правили противники Венизелоса, и вовсе постановил извергнуть Мелетия из архиерейского сана [Ермилов, 2016, 565–566]. Даже атеистическая советская печать заметила, что на Константинопольском престоле в его лице водворился деятель не столько церковный, сколько политический, с ярко выраженной националистической окраской. «Выбранный вселенский патриарх... — сообщалось в журнале „Революция и церковь“, — известен как враг русских, особенно по своей предшествующей деятельности на Афоне. Путешествие его в Америку в 1921 г. вызвало всеобщее смущение верующих, так как одетый во все штатское он проводил целые дни в ресторанах и театрах. Все это было столь скандально, что Мелетий был вызван обратно в Европу своим другом Венизелосом. Выбор его в патриархи — это акт политический и торжество филэллинизма» (Самурцев, 1923, 44).

Тем не менее при содействии Запада извергнутый Мелетий смог в начале 1922 г., вопреки протестам, утвердиться на первенствующей кафедре православного Востока. Всеми доступными ему способами он начал расширять пределы своей юрисдикции, главным образом за счет структур гонимой большевиками Русской Церкви: в Америке и Европе, включая Польшу, Чехословакию, Эстонию и Финляндию (см. подр.:

[Ермилов, 2015, 260–263]). Чехословацкую, для примера, ситуацию очень выразительно в конце 1923 г. (уже после изгнания патр. Мелетия из Константинополя) прокомментировал в письме православному архиепископу Рижскому Иоанну (Поммеру) управляющий русскими западноевропейскими приходами митр. Евлогий (Георгиевский): «По проискам разных авантюристов б[ывший] Патриарх Мелетий поставил там архиеп[ископом] „вся Чехии“ известного Вам Савватия (Врабца. — *свящ. А. М.*). Но этот архиеп[ископ] оказался генералом без солдат. Наши церкви были в ведении русской церк[овной] власти, т[о] е[сть] в моей, а среди чехов уже действовала автокефальная Сербская Церковь... Теперь эти господа чехи во главе с новым арх[иепископом] Савватием... хотят овладеть и всеми нашими русскими церквами с благословения недоброй памяти Патр[иарха] Мелетия, у которого были „руки загребушие“, который и без того ограбил нашего Патриарха, объявив в официальной грамоте, что „пределы Русской Церкви должны быть ограничены пределами русского государства“. Я всеми мерами борюсь против этого ложного утверждения и отстаиваю неприкосновенность Московского Патриархата» [История в письмах, 2015, 2, 19–20].

Папистские притязания патр. Мелетия сочетались у него с идеей греко-англиканской унии. В июле 1922 г. Константинопольский Синод под его председательством «принял скандальный церковно-канонический акт о признании действительности иерархии Англиканской Церкви» [Слесарев, 2009, 75]. Проф.-прот. С. Н. Булгаков, высланный в 1922-м из Советской России в Константинополь и увидевший там воочию, что собой представляет так называемая Вселенская Патриархия, очень выразительно прокомментировал в своем дневнике этот шаг Фанара: «Узнал по дороге, что К[онстантипо]льский патриарх признал англиканскую иерархию и фактически установил Interkommunion, — столь же произвольно, сколь еретично и неканонично... <...> В греческой лавочке теперь все продается и покупается за дешевую цену, — и идет ориентация и спекуляция на англосаксов, на англ[ийских] и амер[иканских] епископов. <...> Какая гниль! И благочестивый Афон, который умел скандалить в иных случаях, теперь также безмолвствует. По-видимому, вообще греческое православие выдохлось и превратилось в фольклор» (Булгаков, 1979, 267). (Нельзя не обмолвиться, что все эти наблюдения и эмоциональные переживания не помешали впоследствии прот. Сергию, как и митр. Евлогию, перейти в юрисдикцию Фанара, закрыв глаза на «гниль».)

Объектом пристального внимания Константинопольской Патриархии стала и Советская Россия, где в мае 1922 г. усилиями богоборческой власти был осуществлен церковный переворот: святой Патриарх Тихон был фактически арестован, а вместо него попытались утвердиться самочинное обновленческое «Высшее Церковное Управление» (ВЦУ) под председательством заштатного еп. Антонина (Грановского) и «Живая Церковь» во главе с петроградским священником Владимиром Красницким. Официальный представитель Фанара в Москве архим. Иаков (Димопуло) сделал вид, что не заметил канонической разницы между общепризнанным в православном мире Всероссийским Патриархом и теми, кто водворился в его резиденции на Троицком Патриаршем подворье. Однако он сразу понял, что на стороне последних советская власть, и решил воспользоваться этим для решения своих корыстных задач. Подробности инициативы архим. Иакова описал главному куратору обновленцев от Политбюро ЦК РКП(б) Л. Д. Троцкому его помощник — бывший петроградский священник М. В. Галкин, тесно общавшийся с лидером «живоцерковников» В. Д. Красницким (последний к тому времени уже стал себя именовать протоиереем). «В Высшее церковное управление (обновленческое. — *свящ. А. М.*), — сообщал Троцкому Галкин, — несколько раз являлся проживающий в Москве архимандрит „наместник Константинопольского вселенского патриарха“ (Мелетия. — *свящ. А. М.*)... В частной беседе с представителями Высш[его] цер[ковного] упр[авления] [он] сообщил, что „его господин, святейший вселенский патриарх“, мог бы прибыть на собор в Москву, признать Высшее церковное управление, участвовать в суде над патриархом Тихоном, словом, сделать все, что нужно Высшему церковному управлению, вплоть до низложения Тихона „по всем

каноническим правилам“. Он дал понять, что в общем итоге это стоит: возвращения к моменту прибытия в Москву „его святейшества“ дома Константинопольского патриархата и 10 000 турецких лир» [Иванов, 2014, 58].

Как ни относиться к личностям ренегата Галкина и раскольника Красницкого, факт интереса Фанара к московским делам и его готовности в них поучаствовать сомнений не вызывает. Так, в письме архим. Иакову от 9 июля 1922 г. патр. Мелетий писал: «Если местные братья считают уместным направление нашей делегации, так чтобы она присутствовала от имени Вселенской Патриархии на намечаемом в Москве церковном собрании и на месте поспособствовала благополучному направлению и мирному урегулированию ситуации в братской Церкви, то мы охотно бы направили такую делегацию» [Καλαϊτζής, 1991, 609]. Архим. Иаков (Димопуло), как умел, прощупывал почву, на каких условиях можно «способствовать местным братьям». Он вполне мог озвучить и конкретную сумму, о которой затем сообщили Троцкому.

Что же касается патр. Мелетия, надо отдать ему должное: одержимый «Великой идеей» воссоздания греческой державы со столицей в Константинополе и превращения так называемой Вселенской Патриархии в действительно мировой христианский центр, он характерным для фанариотов мздоимством не отличался. Об этом, например, весьма красноречиво свидетельствовали представители польской правительственной делегации, которые осенью 1922 г. провели с ним серию переговоров по вопросу об автокефалии Православной Церкви в Польше. Патриарх Мелетий не соглашался на запрашиваемую автокефалию, желая в том или ином виде подчинить митрополита Варшавского себе. Поляки попытались решить вопрос испытанным способом, но встретили неожиданно жесткий отпор со стороны главы Фанара. «Аргумент „вознаграждения“... произвел большое впечатление на представителей патриархии (в частности, на митрополита Никейского Василия, будущего Константинопольского Патриарха. — *свящ. А. М.*), — сообщил в секретном письме в Варшаву руководитель польских переговорщиков В. Барановский, — но во время следующих моих визитов к Патриарху я ни разу не смог почувствовать у него никакой заинтересованности к этой стороне дела, ни разу не был поднят этот вопрос и его окружением, видимо, был отдан приказ об этом не упоминать» [Чибисова, 2018, 67].

Барановский был под сильным впечатлением от личности патр. Мелетия и писал: «Он... человек действительно большого масштаба, руководствующийся в своей деятельности в основном идеологическими мотивами, пламенный греческий патриот, ставленник (*z autoramentu*) Венизелоса, в вопросах религиозных мечтающий о возвышении Константинопольского Патриарха в положение Папы. <...> В первую очередь Мелетий хочет раз и навсегда покончить с равнозначностью Патриархов Русского и Константинопольского. Поэтому он не хочет трактовать этот вопрос (о предоставлении автокефалии Польской Церкви. — *А. Ч.*) как вопрос между Польшей и патриархатом, а только как спор между православными Польской и Русской Церквями, в котором он является верховным судьей, от которого зависит приговор. Таким образом, примат Константинополя над Москвой будет четко задокументирован» [Чибисова, 2018, 67]. (В итоге польское правительство смогло купить желаемую автокефалию местной православной организации при следующем Константинопольском патриархе Григории (Зервудакисе) в конце 1924 г., что одновременно обошлось казне Второй Речи Посполитой в 12 тыс. фунтов стерлингов с последующими дополнительными «вознаграждениями» высокопоставленных фанариотов, см. об этом: [Чибисова, 2018, 69–75].)

Можно предположить, что, если бы Троцкого заинтересовало предложение архим. Иакова (Димопуло), о котором писал Галкин, и материальные запросы архим. Иакова были удовлетворены, это бы еще не побудило такого идейного греческого патриота, как патр. Мелетий на поездку в Москву (тем более что и риск был слишком велик: ехать в Россию к большевикам, не без оснований видевшим в нем «агента империализма», — совсем не то, что вести переговоры с поляками у себя в Константинополе под защитой войск дружественной Антанты). Привлекать могла возможность самым радикальным образом «раз и навсегда покончить с равнозначностью патриархов

Русского и Константинопольского»: непосредственно в Москве продемонстрировать всему миру подсудность ему местного патриарха Московского и фактически восстановить былую церковную зависимость русских от Второго Рима. Но ничего такого не произошло. К тому же запрашиваемые архим. Иаковом 10 000 турецких лир выделены не были, а вопрос о муниципализированном здании бывшего Константинопольского подворья в Москве обсуждался затем еще несколько лет и в итоге был решен совсем не в пользу греков (см. подр.: [Мазырин, 2016]).

Тем не менее фанаро-обновленческие связи всю 2-ю пол. 1922 г. быстро развивались. 11 июля лидер «Живой Церкви» поведал о своих международных успехах со страниц «Известий ВЦИК», сообщив, что «по вопросу об отношении восточных патриархов к новому церковному движению он беседовал с представителем константинопольского патриарха архимандритом Иаковом, который сказал ему, что он относится весьма сочувственно к этому движению, говоря что 1) лозунги „Живая церковь“ соответствуют практике константинопольской церкви; 2) и среди греческого духовенства происходит сильное движение, вполне совпадающее с лозунгами „Живой церкви“; 3) в Лондоне более 10 лет издается на английском и греческом языках журнал, посвященный оживлению церкви применительно к лозунгам русской „Живой церкви“; 4) возможно даже прибытие в Россию константинопольского патриарха Мелетия...» (Трегубов, 1922. 11 июля).

В августе 1922 г. архим. Иаков (Димопуло) и его коллега из Александрийского Патриархата архим. Павел (Катаподис) оскандалились участием в первом Всероссийском съезде «Живой Церкви» в Москве, который принял целый ряд заведомо антиканонических постановлений (о праве монашествующих вступать в брак с сохранением сана, о допустимости брачного епископата и второбрачия священнослужителей) (Первый Всероссийский Съезд, 1922, 7–9). Как сообщала газета «Правда», а за ней журнал «Живая Церковь», «по поручению представителя константинопольского патриарха, архимандрита Иакова, произнес краткое приветствие от его лица архиепископ Антонин (Грановский. — *свящ. А. М.*). Он сказал: „Представитель константинопольского патриарха, архимандрит Иаков, плохо владеющий русским языком, просит меня приветствовать вас. Он свидетельствует о своем сочувствии нашему церковному обновлению и о своей солидарности с нами. Честь и хвала ему!“» (Трегубов, 1922. 10 авг.; Первый Всероссийский Съезд, 1922, 6–7).

Патриарх Мелетий аккуратно поддержал участие Фанара в русских церковных делах и написал 1 сентября 1922 г. своему московскому представителю: «Наша Константинопольская Церковь, будучи от начала и издревле связана столь тесными узами со своей дочерью и сестрой Русской Церковью, видит своим долгом указать на необходимость осмотрительности и мирного и во всем законного продвижения и готова, как мы уже раньше писали, и непосредственно оказать свое содействие и помощь, если будет усмотрена такая необходимость» [Καλαϊτζής, 1991, 618].

Однако вскоре история с участием греческих архимандритов в съезде «Живой Церкви» получила такую огласку, что Фанару пришлось поостеречься развивать активность на русском направлении. Обновленцы в своем журнале изображали дело так, будто бы восточные представители высказались вообще в поддержку женатого епископата: «На вопрос председателя (Красницкого. — *свящ. А. М.*): „Были ли на востоке брачные епископы?“ — архим[андрит] Иаков отвечал: „Были“. „Из кого теперь избираются епископы?“ — „Из белых священников“. „Сам святейший патриарх Константинопольский монах или нет?“ — „Нет, патриарх не монах“. То же самое говорил и архимандрит Павел» (Первый Всероссийский Съезд, 1922, 9). В главной же советской газете «Известия ВЦИК» выступления архим. Иакова (Димопуло) и архим. Павла (Катаподиса) были пересказаны так: «Присутствующие на съезде представители Константинопольского и Александрийского патриархов подтверждают, что в их церквях имеются по преимуществу женатые епископы. Что касается введения этого порядка в России, то они советовали бы отложить этот вопрос до рассмотрения его местным собором» (Ю. П., 1922. 11 авг.).

Информация о приписываемых архим. Иакову высказываниях дошла до Фанара, и его печатному органу «Церковная Истина» пришлось дать специальное разъяснение, что у них «в епископское достоинство возводятся **только** (выделено в публикации. — *свящ. А. М.*) неженатые клирики» (Εκκλησιαστικὰ χρονικά, 1922, 435). Сам архим. Иаков (Димопуло) в декабре 1922 г. писал патр. Мелегию, что газетные сообщения о его выступлении на съезде «Живой Церкви» — «полная ложь и утопия». «В ответ на заданный нам вопрос мы ответили лишь то, что Архиереи в наших Церквах не имеют ставрофора, то есть великой монашеской схимы, как принято в России, но только малую схиму, называемую рясофором, и по непреложному правилу являются безбрачными, „целибатными“, из чего те заключили, что архиереи наши — из белого духовенства» (Η ἐν Ῥωσσίᾳ ἐκκλησιαστικὴ κατάστασις, 1922, 488). Скорее всего, так оно и было. Однако, когда вскоре женатые лжеархиереи стали один за другим появляться у обновленцев, это не помешало архим. Иакову сохранять с ними тесные контакты. Не вызвало протеста со стороны «Великой Матери-Церкви» и обращение обновленцев с российским православным епископатом старого поствления. Между тем на съезде «Живой Церкви» был сделан специальный доклад «епископской комиссии» о выявлении 36 архиереев — противников обновленчества, среди которых упоминались митрополиты Агафангел (Преображенский), Арсений (Стадницкий) и Михаил (Ермаков). «Все эти 36 архиереев уволены съездом, а до съезда высшим церковным управлением было уволено 24 архиерея. Таким образом, всего уволено за штат 60 архиереев», — сообщалось о деяниях обновленцев в ведущем печатном органе РКП(б) (Трегубов, 1922. 17 авг.).

Оказав советским раскольникам помощь летом 1922-го, спустя полгода архим. Иаков обратился в обновленческое ВЦУ за ответными услугами по отношению к своей Патриархии. После победы турок-кемалистов в войне с греками в 1922 г. у нее, как казалось, уже не сохранялось шансов остаться в своем исконном центре. Только внушительное внешнее заступничество могло что-то в этом плане изменить. Фанар начал искать этого заступничества везде, где была малейшая возможность, даже в Советской России. «Тесные братские узы, которые веками связывают Константинопольскую Великую церковь с Российской Православной Церковью, — писал архим. Иаков обновленцам, — позволили Его Всесвятейшеству обратиться с просьбой к Высшему Церковному Управлению продолжать, как и раньше, традиционную поддержку, поддерживать Восточную Православную Церковь. Также Его Всесвятейшество просит прийти на помощь путем протеста, как это сделано всеми Автокефальными православными Церквями, в защиту сохранения прав Патриархата, каковой составляет единственную опору для защиты христианских меньшинств. Вселенский Патриарх глубоко убежден, что Российская Церковь не откажет войти в надлежащий ходатайством перед уважаемой Советской Властью — просить последнюю поддержать перед Турецким Правительством указанную выше просьбу Его Всесвятейшества, чем Советская Власть продолжит свое благотворное человеколюбивое начинание по отношению к угнетенным народам Православного Востока» (Выступление, 1923, 14).

Подвести применительно к Ближнему Востоку итог Первой мировой и последующих войн рубежа 1910–1920-х была призвана международная конференция в швейцарской Лозанне, на которой, помимо прочего, решалась и участь Константинопольского Патриархата. Турецкая делегация настаивала на его удалении из Стамбула как политического института, откровенно враждебного Турции. Западные делегации возражали. Активнее всех это делал британский министр иностранных дел Дж. Н. Керзон. Туркам ставили на вид, что Вселенский патриарх — это «всеправославный лидер», который якобы имеет «в духовном подчинении» почти двести миллионов человек. Для создания такого мифа, собственно, и потребовались заявления со стороны Поместных Православных Церквей в поддержку Фанара, которые в конце 1922 г. в срочном порядке запросил патр. Мелетий. Иллюзия «всеправославного лидера» была создана, и турки согласились не изгонять со своей территории греческий Патриархат при условии его полной деполитизации (см. подр.: [Чибисова, Ермилов, 2018]).

В центральных советских газетах об этом было сообщено так: «Лозанна, 11 января (Роста). На сегодняшнем заседании... достигнут компромисс по вопросу о греческом патриархате в Константинополе. Керзон, изложив подробно вопрос, настаивая на необходимости сохранения института патриархата в Константинополе, соглашаясь на лишение патриарха всех административных и политических функций. Венизелос присоединился к предложению Керзона. Исмет-паша, приняв к сведению формальное заверение держав, что греческий патриархат будет впредь выполнять только функции исключительно религиозного и духовного характера, изъявил согласие на дальнейшее пребывание греков и патриархата в Константинополе. Достигнутое соглашение встречено всеобщим удовлетворением» (Лозаннская конференция. Известия, 1923; Лозаннская конференция. Правда, 1923).

Журнал «Революция и церковь» положение Фанара и патр. Мелетия прокомментировал довольно едко: «С крушением греков и окончанием двусмысленной игры Антанты и особенно коварного Альбиона положение Мелетия пошатнулось. Ангора в церковном вопросе пробует взять новый курс и выставить „друга Венизелоса“ из Царьграда на том основании, что патриархат — это, в сущности, политическое учреждение, чуждое Турции. Вследствие этого Мелетий обратился в Лозанне к заступничеству держав с просьбой о сохранении патриархата, как единственной опоры для защиты христианских меньшинств в Турции. В Лозанне он адресовался с соответствующим заявлением и к тов. Чичерину, напоминая о традиционной поддержке Константинопольского патриархата со стороны „православной“ России и сообщая, что константинопольский патриархат является „самым демократическим учреждением“ в Оттоманской империи, а строй московской церкви, судя по актам Российского Собора 1917–18 гг., точным сколком с него» (Самурцев, 1923, 45–46). Слова про «православную» Россию и «самый демократический» Константинопольский патриархат, а также отсылки к постановлениям Всероссийского Собора 1917–1918 гг. (с точки зрения большевиков, совершенно антисоветского) не вдохновили советского наркома иностранных дел встать на защиту Фанара от турок. При всех нюансах, новая Турция для Советской России была тогда если не союзным, то дружественным государством, а Греция, чьи экспедиционные части еще недавно воевали с Красной армией под Одессой и в Крыму, — враждебным. Резонов выступать за греков-венизелитов у большевиков не было никаких. В итоге, в отличие от западных держав, Советская Россия поддерживать Фанар перед турецким правительством не стала. Раскольническому ВЦУ пришлось самому обращаться к туркам (Выступление, 1923, 14).

Историю защиты патр. Мелетия «живоцерковниками» на свой лад, по сути — в жанре фельетона, изложила газета «Безбожник»: «На днях константинопольский патриарх Мелетий IV, предназначенный турецким правительством к высылке из Константинополя, обратился в Московское ВЦУ с просьбой ходатайства перед „уважаемой Советской властью“ о заступничестве. Представитель ВЦУ направился в турецкое посольство, где ему разъяснили, что Мелетий из Константинополя высылается за контрреволюционную деятельность. Обысками у Мелетия было найдено много оружия. Было установлено из переписки, что Мелетий „поддерживает врагов возрождения и свободы турецкого народа“. В жизни константинопольской православной церкви, по словам турецкого представительства, сейчас происходит то же, что и в России. Там образовалась своего рода „живая церковь“. Огромное большинство духовенства примкнуло к обновленчеству, требуя низложения Мелетия, как ярого контрреволюционера. Оно выдвигает на патриарший престол своего кандидата» (Константинопольский патриарх, 1923, 7). Действительно, так называемая Турецкая Православная Церковь, с помощью которой кемалисты пытались бороться с Константинопольским патриархатом, чем-то, если закрыть глаза на националистическую подоплеку греко-турецкого противостояния, была похожа на российскую «Живую Церковь» (а именно тем, что в обоих случаях политическая составляющая явно доминировала над церковной). Газета «Безбожник» вульгарно, но по-своему с толком дела дала возможность обновленцам увидеть себя в «турецком зеркале». Они служили орудием революции

против своего патриарха, но заступались за чужого, теснимого другими революционерами. Впрочем, «живоцерковников» едва ли могла обидеть проведенная безбожниками аналогия.

Журнал «Революция и церковь» также не удержался от язвительного комментария по поводу усилий «живоцерковников»: «Из ответной телеграммы и. о. Комиссара Иностранных дел Великого Национального Собрания Турции Гуссейна Рауфа на имя „Антонина Красницкого“ явствует, что, несмотря на столь „знатное“ представительство, турки не верят Мелетию и не отказываются от своего плана выселения из своей территории вселенского патриархата как „государственного учреждения, которое само объявило себя чуждым Турции и которое избрало своим вождем Мелетия (даже не полноправного гражданина Турции), не взирая на точные термины своего устава“. Почти одновременно с этим Мелетий, как „лукавый византиец“, не прочь „подложить свинью“ своим „дорогим“ московским коллегам. Пользуясь титулом „вселенский“, что в точности соответствует нашему прежнему титулу „императорский“... а также отлично понимая, что русская церковь находится в параличе, Мелетий желает стать на путь папства и притязает осуществлять какое-то „попечение“ (по нашему читается „власть“) над церквями, входящими в состав московского патриархата» (Самурцев, 1923, 46). (Далее читателям сообщалось о деятельности мелетиевских эмиссаров в Польше, Финляндии, Латвии, Эстонии и Литве.)

Конец 1922 — начало 1923 г. были ознаменованы подготовкой раскольнического «Поместного собора», разговоры о котором шли у обновленцев со времени возникновения их раскола (собственно, о нем заявлялось уже в первом программном документе «прогрессивного духовенства» (Верующим сынам, 1922)), но дело тормозилось сильным внутренним антагонизмом в их среде (в первую очередь между Грановским и Красницким). В конце концов, при активном заступничестве ГПУ, «церковные революционеры» смогли изобразить свое «соборное единство», которое должны были поддержать извне и другие Поместные Церкви. В принятом раскольниками 1 февраля 1923 г. «Положении о созыве поместного собора православной российской церкви» было сказано, что «Высшее Церковное Управление приглашает на Собор представителей Восточных Патриархов и автокефальных зарубежных Церквей — с правом решающего голоса» (Положение о созыве, 1923, 4).

Фанариоты в принципе были не прочь откликнуться на приглашение раскольников приехать на их «Поместный собор», о чем сообщили обновленческому «митрополиту Одесскому» Евдокиму (Мещерскому) через капитана курсировавшего между Одессой и Константинополем советского парохода «Эльборус» Н. А. Балашева. «Его Святейшество, — писали видному раскольнику из канцелярии Фанара, — хотел бы сообщить через Вас, что Вселенский патриарх с удовольствием послал бы одного или двух своих представителей, если бы последовало бы таковое приглашение... Поездку подобного представительства в Россию Его Святейшество и Синод считают тем более нужной и полезной, что этим, между прочим, получится возможность познакомиться непосредственно с действительным церковным положением в России, о котором теперь приходится судить лишь через прессу разных не всегда достоверных или даже иногда и совершенно ложных слухов» [Мазырин, Кострюков, 2017, 44].

Ожидаемое патр. Мелетием официальное приглашение от обновленческого ВЦУ было передано архим. Иакову 12 апреля 1923 г. и гласило: «Высшее Церковное Управление, памятуя о тесных узах ее духовного родства с Великой Константинопольской Церковью, было бы очень радо получить от нее уверение в единомыслии и моральной поддержке его забот об устроении церковной жизни на всеправославных началах и началах братского взаимопонимания. Высшее Церковное Управление просит Ваше Высокопреподобие довести до сведения Его Всесвятейшества Патриарха Константинопольского Мелетия данную просьбу Высшего Церковного Управления и его желание иметь у себя в числе присутствующих на предстоящем Соборе Его Всесвятейшество, а в случае невозможности его личного прибытия — какого-нибудь представителя от Великой Константинопольской Церкви» (Εκκλησιαστικὰ χρονικά, 1923. 5 μαΐ, 129).

«Наш живоцерковный голубь уже перелетел за Черное море», — хвалился своими международными успехами Красницкий на обновленческом епархиальном съезде в Москве незадолго до открытия «Поместного собора» (в передаче корреспондента «Известий ВЦИК») (Н. См., 1923).

Однако «за Черным морем» было достаточно своих проблем. Приглашение от обновленцев было обсуждено на заседании Синода в Константинополе лишь 3 мая 1923 г., уже после его фактического отклонения (Εκκλησιαστικὰ χρονικά, 1923. 5 μάρτ., 129). Открывшийся 29 апреля раскольнический лжесобор в Москве 3 мая принял свое самое резонансное решение: «Собор объявляет капитализм смертным грехом, а борьбу с ним священной для христианина. <...> ...Так как патриарх Тихон, вместо подлинного служения Христу, служил контрреволюции и этим, как лицо, которое должно правильно вести всю церковную жизнь, ввел в заблуждение широкие церковные массы, то Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви, на основании церковных канонов сим объявляет ЕГО ЛИШЕННЫМ САНА И МОНАШЕСТВА И ВОЗВРАЩЕННЫМ В ПЕРВОБЫТНОЕ МИРСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. **Отныне патриарх Тихон — мирянин Василий Беллавин** (выделения большими буквами и жирным шрифтом даны согласно источнику. — *свящ. А. М.*). <...> Осуждая быв[шего] патриарха Тихона как вождя не церковного, а контрреволюционного, Собор признает, что и самое восстановление патриаршества было актом определенно политическим, контрреволюционным» (Поместный собор, 1924, 11–12). «Соборный» вердикт был настолько выразителен, что даже газета «Безбожник», приведя его полностью, поначалу не стала ничего комментировать: ни добавить, ни убавить (Постановление. Безбожник, 1923, 6). Вслед за осуждением патр. Тихона, в тот же самый день, «по вопросу о брачном епископате собор принимает резолюцию, в которой „признает решительно необходимым ввести в жизнь белый брачный епископат наравне с лицами внебрачного состояния“. <...> „Собор определяет разрешить второбрачие священнослужителям, кроме епископов, разрешить священнослужение женатым на вдовах или разведенных, допустить к священнослужению тех, кто оставил его лишь вследствие вступления своего во 2-й брак“» (Ю. П. 1923. 5 мая).

Официальное участие в таком «Всероссийском Поместном соборе» сильно бы ударило по репутации Фанара, чей печатный орган «Церковная Истина» сообщал: «Точно известно, что среди нынешних архиереев в России число иерархов, происходящих из женатого приходского духовенства, достигло уже 24 человек. Из рукоположенных трое на момент хиротонии были вдовыми, остальные же 21 продолжают жить с супругами и после хиротонии. Все они примут участие в открываемемся в Москве Соборе». И далее в развитии темы читатели уведомялись, что «Высокопреосвященному митрополиту Фиагирскому направлена телеграмма с предписанием категорически опровергнуть появившееся на страницах лондонской газеты „Таймс“ сообщение, будто Вселенская Патриархия примет участие в церковном суде над Блаженнейшим Патриархом Тихоном» (Ρωσσικὴ ἐκκλησία, 1923, 130).

Заметка в «Таймс», столь обеспокоившая фанариотов, появилась 18 апреля 1923 г. Со ссылкой на своего рижского корреспондента лондонская газета сообщала: «Советское правительство объявило, что Константинопольский и Александрийский Патриархаты посылают представителей на Московское Церковное Собрание (Convocation)» (Red Church, 1923, 12). Тема антирелигиозных гонений в СССР и пособничества большевикам со стороны «Красной Церкви» освещалась тогда во влиятельной британской газете весьма активно, причем в крайне негативном ключе. Упоминания в таком контексте Константинопольского Патриархата были для Фанара крайне опасны. Упреждая недоумения англичан, патр. Мелетий и его Синод 24 апреля 1923 г. постановили: «Уведомить представителя Вселенского Патриарха в Москве, что Великая церковь не только не пошлет на суд своего представителя, но рекомендует и русским иерархам воздержаться от всякого участия в нем, потому что все Православие... смотрит на Патриарха Московского и всея России как на исповедника» (Постановление. Церковные ведомости, 1923, 1). В выпуске «Церковной Истины» от 28 апреля 1923 г. было

помещено официальное «Опровержение»: «Согласно решению [Синода] представителю в Москве Архимандриту Иакову было предписано опровергнуть сообщение, будто бы Вселенская Патриархия собирается направить представителя для участия в церковном судебном разбирательстве над Блаженнейшим Патриархом Тихоном» (Εκκλησιαστικά χρονικά, 1923. 28 ἄλφ., 120).

Сам патр. Мелетий изложил свою позицию по вопросу суда над патр. Тихоном в письме архим. Иакову от 27 апреля 1923 г. Он отвергал распространившиеся в европейских и турецких газетах слухи о намерении Фанара направить своего представителя для участия в этом суде, но подтверждал, что готов был по просьбе «местных братьев» послать делегацию, чтобы та «на намечаемом в Москве церковном собрании... поспособствовала благополучному направлению и мирному урегулированию ситуации в братской Церкви». Глава Фанара писал, что не получал из Москвы «никакого официального приглашения», но признавал, что в конце марта его посетил капитан советского парохода, который информировал его о русских церковных делах и о «выдающемся положении» преосвящ. Евдокима (Меццерского). Подтверждал патр. Мелетий и то, что по его распоряжению Евдокиму «было направлено из канцелярии письмо, в котором его просили о присылке, при возможности, его разъяснительной записки о церковном положении в России и вместе с тем сообщалось, что Вселенская Патриархия, если она, конечно, будет приглашена, с радостью направит одного или двух своих представителей на намечаемый в Москве в середине текущего месяца Всероссийский церковный собор, но не с какой иной целью, как только чтобы вблизи ознакомиться со всей ситуацией и, воспользовавшись удобным случаем, поспособствовать ее упорядочиванию». В завершение письма патр. Мелетий настоятельно просил «передать всем находящимся там русским иерархам, прочему клиру и всей благочестивой православной полноте... отеческий совет, чтобы во всех своих взглядах и действиях они не только руководствовались священными канонами и церковными установлениями, но и в особенности во всем, что относится к лицу Блаженнейшего Патриарха (Тихона. — *свящ. А. М.*), надлежит им тщательно избегать всякого даже мельчайшего покушения выставить Его Блаженство перед судом и приговором. Пусть не забывают, что весь православный и остальной церковный мир с глубокой заинтересованностью, уважением и переживанием наблюдает за его страданиями, переносимыми за веру и Церковь, до такой степени, что смотрит в своем сознании на Его Блаженство уже как на исповедника христианской веры» [Мазырин, Кострюков, 2017, 47–48; Καλαϊτζής, 1991, 608–610]. Выраженный здесь «отеческий совет» патр. Мелетия звучал весьма достойно, при этом нет никаких данных, что архим. Иаков его в Москве кому-либо передал (понимал, очевидно, что тем самым может навлечь на себя неприязни от советской власти).

Заявление патр. Мелетия о поддержке патр. Тихона нельзя рассматривать вне контекста международной обстановки того времени. Момент проведения обновленческого лжесобора наложился на острейший кризис в советско-британских отношениях, грозивший перерасти в военное противостояние. 8 мая 1923 г. советскому правительству была передана нота Керзона с перечнем ультимативных требований и упоминанием, помимо всего прочего, и патр. Тихона. Заглядывая немного вперед, следует отметить, что эта нота сыграла очень важную роль в освобождении свт. Тихона в конце июня того же года. Не признавая того публично, большевистское руководство фактически капитулировало перед предъявленным ему ультиматумом, «по всем пунктам, приняв требования, абсолютно не совместимые с нашим суверенитетом» (слова заместителя наркома иностранных дел М. М. Литвинова из секретной телеграммы советскому представителю в Лондоне А. Я. Берзину) [Сергеев, 2015, 101]. Можно, таким образом, оценить значение британского фактора в церковно-политических событиях того времени — фактора, оказавшегося значимым даже для большевиков, не говоря уже про полностью ориентированного на англосаксов патр. Мелетия (Μεταξакίσα).

Было очевидно, что обновленческий суд над патр. Тихоном тесно увязывался с готовившимся советским показательным процессом над ним с заранее предпринятым

смертным приговором. Фактически обновленцы этого и не скрывали. Так, председатель раскольнического ВЦУ лжемитрополит Антонин (Грановский) перед открытием «Поместного собора» заявил (в передаче газеты «Безбожник»): «Я полагаю, что собор возложит на патриарха Тихона тяжелую ответственность и вынесет ему обвинительный приговор. Я полагаю, что и в гражданском суде процесс Цепляка (главы российских католиков, приговоренного в марте 1923 г. к расстрелу. — *свящ. А. М.*) predetermined меру наказания и патриарху Тихону, ибо Цепляк — лишь незначительная величина в сравнении с Тихоном» (Церковники о суде, 1923, 9). То есть «приговор собора» и «процесс в гражданском суде» мыслились как двуединный акт, заканчивающийся казнью патр. Тихона. Солидарность обновленцев и большевиков в этом деле демонстрировалась полная. А по поводу ноты Керзона руководители раскола не замедлили обратиться к архиепископу Кентерберийскому с заявлением, что в СССР «религиозная жизнь в настоящее время пользуется такой свободой, которой она никогда не имела ни при одном из прежних правительств отечества нашего». Тем же письмом они информировали примаса Англии, что «священный собор решительно осудил бывшего патриарха Тихона и вместе с ним зарубежную контрреволюцию», и добавляли: «Что же касается осуждения гражданской властью священнослужителей за нарушение существующих законов Советской Республики, то нравственная ответственность за их участь и тяжелое положение падает на них самих и на тайных вдохновителей их преступных деяний» (Керзон ошибается, 1923, 1). Конечно, от заявляющих такое обновленцев патр. Мелетию в его шатком положении благоразумнее было держаться подальше.

Глава Фанара также не мог не знать, что в жестоко проигранной Грецией войне с Турцией советское правительство поддерживало отнюдь не греков, и к краху эллинской «Великой идеи» большевики ошутимо приложили руку. По этой причине большевистские креатуры обновленцы едва ли были патр. Мелетию приятны, даже с учетом роднящего их модернизма. Хотя, надо полагать, при других обстоятельствах он бы с удовольствием принял участие (лично или через своего представителя) в суде над патриархом Московским, но в таком суде, в котором его слово было бы решающим. Просто же отыграть роль в кровавом спектакле, где всё уже было решено без него, патр. Мелетию не позволяли ни политический расчет, ни совесть. Скорее, наоборот, свое особое значение как верховного арбитра в Православной Церкви он мог подчеркнуть, именно заявляя о своем неприятии, казалось бы, неминуемого развития событий (осуждения и казни патр. Тихона). Он так и сделал.

Заявлению патр. Мелетия о патр. Тихоне как об исповеднике христианской веры предшествовала просьба русского зарубежного Архиерейского Синода «не усиливать церковную смуту в России посылкой туда своих делегатов для участия в созываемом в Москве Соборе» (Определения, 1923, 3). Проигнорировать это обращение русских «тихоновцев» главе Фанара было сложно ввиду его крайней заинтересованности в том, чтобы они поучаствовали в проводимом им в мае 1923 г. в Константинополе так называемом Всеправославном конгрессе (из девяти человек), демонстративно бойкотированном другими восточными патриархами. По своим решениям этот конгресс был близок к обновленцам и наметил целый ряд реформ, призванных облегчить унию с англиканами, в первую очередь календарную. Обновленцы с готовностью подписались бы под этим постановлением: на своем лжесоборе они тоже проголосовали за переход на новый стиль, причем делавший по этому вопросу доклад Антонин (Грановский) ссылался именно патр. Мелетия (Ю. П. 1923. 6 мая). При этом конгресс высказался и по делу патр. Тихона, выразив ему свое сочувствие (Αλοφάγεις, 1923, 193). Появление этого постановления со стороны в целом весьма модернистского мелетиевского конгресса можно объяснить присутствием на нем двух пребывавших в тот момент в Константинополе русских архиепископов — Анастасия (Грибановского) и Александра (Немоловского), а также резко негативной позицией в отношении «живоцерковников» со стороны Сербской Церкви, которая сыграла на конгрессе в Константинополе одну из главных ролей.

Однако, какими бы ни были мотивы патр. Мелетия и его Синода отказать обновленцам в поддержке, русскими православными людьми в тот критический момент это было встречено с большим энтузиазмом. В издаваемых при Временном Архирейском Синоде РПЦЗ «Церковных ведомостях» соответствующее константинопольское постановление было опубликовано на самом видном месте (Постановление. Церковные ведомости, 1923, 1). Митрополит Антоний в своей неподражаемой манере прокомментировал ситуацию следующим образом: «Что же касается до „лишения сана“ Патриарха Тихона московским сборищем, то таковое лишение имеет не более силы, чем если бы оно исходило от трех-четырёх баб, собравшихся на базаре. Совершенно справедливо Восточные Патриархи в постановлении Цареградского Синода провозгласили Святейшего Тихона Исповедником Православия» (Отзыв, 1923, 10–11). Митрополит Евлогий провел 7 мая в Париже заседание епархиального совета, который постановил «широко распространить названное постановление Великой Церкви с присовокуплением в связи с этим, что заявление самочинного, внецерковного, отлученного сборища живой церкви в Москве о низложении Святейшего Патриарха не имеет никакой силы» (Следственное дело, 2000, 717–718). Немногим позднее к позиции Константинопольской Патриархии стали апеллировать «тихоновцы» и внутри России [Мазырин, 2021], что, впрочем, продолжалось недолго, поскольку вскоре эта позиция вновь стала прообновленческой.

Митрополит Евлогий же в мае-июне 1923 г. настолько воодушевился выступлением патр. Мелетия, что стал предлагать русским иерархам-беженцам решить с его помощью и их собственные организационные проблемы. В своем докладе Архирейскому Собору РПЦЗ он писал: «Только в Цареградской Патриархии смогут наконец встретиться все епископы Московского Патриархата, свободные от ига большевиков. Этот Собор будет чисто церковным, будет безусловно гарантирован от политики, которой по вполне понятным причинам не допустит Вселенский Престол. Можно думать, что внутренние настроения Фанара и самого Блаженнейшего Мелетия благоприятствуют такому начинанию. Доказательство сему – миссия Вселенского Патриарха в лимитрофные страны» [Кострюков, 2007, 337]. Идея митр. Евлогия поражает своей парадоксальностью. В патр. Мелетии он усматривал «гаранта от политики», притом что трудно было тогда найти более политизированного иерарха, чем тот. В «миссии Вселенского Патриарха в лимитрофные страны» митр. Евлогий вдруг увидел благодеяние по отношению к Русской Церкви, хотя она очевидным образом носила хищнический характер (о чем сам управляющий русскими западноевропейскими приходами уже в конце того же 1923 г. глубоко вздыхал: его письмо архиепископу Рижскому Иоанну про «руки загребущие недоброй памяти Патриарха Мелетия» процитировано в начале статьи). Идея митр. Евлогия развития не получила, хотя патр. Мелегий, надо полагать, был бы не прочь собрать у себя русских зарубежных епископов и объявить им, что принимает их в свою собственную юрисдикцию. Обстоятельства, однако, не позволяли ему это сделать: уже в июле 1923 г. он был вынужден спешно покинуть Константинополь.

«А в Царьграде, — писал по поводу произошедших событий митр. Антоний (Храповицкий) освобожденному патр. Тихону, — мой недавний друг Мелетий оказался вторым Несторием» (Новые документы, 2002, 552). Далее председатель русского зарубежного Синода раскрывал, в чем, собственно, проявилось и к чему привело «несторианство» его «недавнего друга», про которого он полугодом ранее писал, что «Константинопольский Патриарх для православных христиан всех стран является верховным судьей» (Г. Президенту, 1923, 1). «Вероятно, вы получили их декреты, совершенно разрушающие православные каноны. Греки, впрочем, уже изгнали Патриарха-масона, избив его до полусмерти. Он в 3-месячном „отпуске“ на Афоне, но, как слышно, никогда не возвратится на кафедру Златоуста. Декреты же их имеют несомненный и решительный раскол в православных церквях, более продолжительный и острый, чем раскол болгарский. Спасибо трем Восточным Патриархам, которые с негодованием отказались от посылки депутатов на тот нечестивый совет,

где было не более 6–7 епископов... Замечательно, что англичане, которым старался угодить Мелетий, более других негодуют на него за новаторство» [Новые документы, 2002, 552]. Письмо митр. Антония интересно не столько фактическим содержанием, сколько своей оценочной составляющей. Как видно, «недавний друг Мелетий», он же «Патриарх-масон»¹, в его глазах полностью пал.

Можно подвести итог. Главной задачей патр. Мелетия было церковно-политическое возвышение собственной нации с практической опорой преимущественно на англосаксонские круги. В условиях провала греческой «Великой идеи» и едва не случившегося изгнания Константинопольской Патриархии из народившейся Турецкой республики патр. Мелетий проводил двойственную политику в русском церковном вопросе. С одной стороны, он почти год не сдерживал процесс стремительного сближения своего официального московского представителя с советскими обновленцами и лишь, когда дело получало совсем скандальную огласку (как в случае со съездом «Живой Церкви» и обсуждением вопроса о женатом епископате на нем), запрашивал у архим. Иакова (Димопуло) разъяснения, которые с удовлетворением принимал. С другой — в критический момент проведения раскольнического лжесобора в Москве он громко выступил в защиту патр. Тихона, чем сильно повредил игре обновленцев и их большевистских кураторов. Однако, как показывает анализ ситуации, это выступление патр. Мелетия было обусловлено прежде всего политической конъюнктурой, которая тогда не отличалась устойчивостью.

Источники и литература

Источники

1. Булгаков (1979) — Булгаков С., *прот.* Из «Дневника» // Вестник РХД. 1979. № 4 (130). С. 256–274.
2. Верующим сынам (1922) — Верующим сынам православной церкви России // Известия ВЦИК. 1922. 14 мая.
3. Выступление (1923) — Выступление группы белого духовенства «Живой Церкви» на защиту Константинопольского патриарха // Живая Церковь. 1923. № 11 (1). С. 14–16.
4. Г. Президенту (1923) — Г[осподину] Президенту Лозаннской Конференции // Церковные ведомости. 1923. № 1–2. С. 1.
5. История в письмах (2015) — История в письмах: Из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера): в 2 т. / Подгот. изд., предисл. и коммент. Ю. Л. Сидякова. Тверь: Булат, 2015. 608 + 528 с.
6. Керзон ошибается (1923) — Керзон ошибается: церковь в России свободна. Обращение русского духовенства // Безбожник. 1923. 20 мая.
7. Константинопольский патриарх (1923) — Константинопольский патриарх и «живая церковь» // Безбожник. 1923. 4 февр.
8. Лозаннская конференция. Известия (1923) — Лозаннская конференция. Соглашение о патриархате // Известия ВЦИК. 1923. 13 янв.
9. Лозаннская конференция. Правда (1923) — Лозаннская конференция. Между союзниками и Турцией достигнут компромисс по вопросу о греческом патриархате в Константинополе // Правда. 1923. 13 янв.

¹ В задачу настоящего исследования не входит выяснение, был ли патр. Мелетий (Метаксакис) действительно масоном, или нет. На этот счет существует целый ряд публикаций разной степени научности, авторы которых выбирают ответы на него, во многом исходя из личных симпатий или антипатий к рассматриваемому персонажу и его политике [Мосс, 2001, 87–94; Слесарев, 2009, 71–80]. В статье «Православной энциклопедии» о патр. Мелетии данный вопрос обходится стороной и лишь констатируется, что его обвиняли «в обновленчестве, масонстве и нарушении канон» [Ермилов, 2016, 570].

10. Мазырин (2021) — *Мазырин А. В., свящ.* Обновленческий раскол и собор обновленцев 1923 года глазами православного епископата, близкого Патриарху Тихону // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 392–411.
11. Н. См. (1923) — *Н. См.* Резьба на иконостасе. (Предпоместнособорные сценки) // Известия ВЦИК. 1923. 29 апр.
12. Новые документы (2002) — Новые документы из фонда Архиерейского Синода РПЦЗ / Публ. свящ. Г. Ореханова и О. Н. Ефремовой // Русская Церковь: XX век. Кн. 1: Материалы конференции «История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.)», г. Сэнтендре (Венгрия), 13–16 ноября 2001. Мюнхен: Обитель прп. Иова Почаевского, 2002. С. 546–572.
13. Определения (1923) — Определения Временного Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей // Церковные ведомости. 1923. № 7–8. С. 3.
14. Отзыв (1923) — Отзыв Высокопреосвященнейшего Митрополита Антония о Московском сборище // Церковные ведомости. 1923. № 9–10. С. 10–11.
15. Первый Всероссийский Съезд (1922) — Первый Всероссийский Съезд белого духовенства «Живая Церковь» в Москве // Живая Церковь. 1922. № 8–9. С. 6–9.
16. Положение о созыве (1923) — Положение о созыве поместного собора православной российской церкви 1923 года // Живая Церковь. 1923. № 11 (1). С. 2–4.
17. Поместный Собор (1924) — Поместный Собор Российской Православной Церкви 1923 год. (Бюллетени). [М.:] Изд. протопр. В. Д. Красницкого, [1924]. 32 с.
18. Постановление. Церковные ведомости (1923) — Постановление Вселенского Патриархата по вопросу о суде над Святейшим Тихоном, Патриархом Московским и всея России // Церковные ведомости. 1923. № 7–8. С. 1.
19. Постановление. Безбожник (1923) — Постановление 2-го Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви, 1923 года. Об отношении Церкви к Социальной Революции, Советской власти и патриарху Тихону // Безбожник. 1923. 9 мая.
20. Самурцев (1923) — *Самурцев М.* За рубежом. Новый Константинопольский патриарх Мелетий // Революция и церковь. 1923. № 1–3. С. 44–46.
21. Следственное дело (2000) — Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. док. по материалам ЦА ФСБ РФ. М.: Изд-во ПСТБИ; Памятники исторической мысли, 2000. 1048 с.
22. Трегубов (1922. 11 июля) — *Трегубов И.* К обновленческому движению православной церкви. «Живая церковь» // Известия ВЦИК. 1922. 11 июля.
23. Трегубов (1922. 10 авг.) — *Трегубов И.* Всеросс[ийский] съезд «Живой Церкви» // Правда. 1922. 10 авг.
24. Трегубов (1922. 17 авг.) — *Трегубов И.* Всер[оссийский] съезд «Живой церкви» // Правда. 1922. 17 авг.
25. Церковники о суде (1923) — Церковники о суде над Тихоном. Митрополит Антонин // Безбожник. 1923. 1 мая.
26. Ю. П. (1922. 11 авг.) — *Ю. П.* Всероссийский съезд «Живая церковь» // Известия ВЦИК. 1922. 11 авг.
27. Ю. П. (1923. 5 мая) — *Ю. П.* Всероссийский поместный церковный собор. Заседание 3-го мая // Известия ВЦИК. 1923. 5 мая.
28. Ю. П. (1923. 6 мая) — *Ю. П.* Всероссийский поместный церковный собор. Утреннее заседание 5-го мая. Переход к грегорианскому календарю // Известия ВЦИК. 1923. 6 мая.
29. Red Church (1923) — Red Church reform. (From our correspondent) // The Times. 1923. 18 Apr.
30. Ἀποφάσεις (1923) — Ἀποφάσεις τοῦ Πανορθοδόξου Συνεδρίου // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1923. 9 ἰουν.
31. Ἐκκλησιαστικὰ χρονικά (1922) — Ἐκκλησιαστικὰ χρονικά // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. 12 νοεμ.
32. Ἐκκλησιαστικὰ χρονικά (1923. 28 ἀπρ.) — Ἐκκλησιαστικὰ χρονικά // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1923. 28 ἀπρ.
33. Ἐκκλησιαστικὰ χρονικά (1923. 5 μαΐ) — Ἐκκλησιαστικὰ χρονικά // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1923. 5 μαΐ.

34. Ἡ ἐν Ρωσσίᾳ ἐκκλησιαστικὴ κατάστασις (1922) — Ἡ ἐν Ρωσσίᾳ ἐκκλησιαστικὴ κατάστασις // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. 31 δεκ.

35. Μελετίος Μεταξάκης (1913) — Μελετίος Μεταξάκης, μητρ. Κιτίου. Τὸ Ἅγιον Ὄρος καὶ ἡ ρωσικὴ πολιτικὴ ἐν Ἀνατολῇ. Ἀθήναι, 1913. 216 σ.

36. Ρωσσικὴ ἐκκλησία (1923) — Ρωσσικὴ ἐκκλησία // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1923. 5 μαΐ.

Литература

37. Герд (2012) — *Герд Л. А.* Константинопольский патриархат и Россия. 1901–1914. М.: Индрик, 2012. 320 с.

38. Ермилов (2015) — *Ермилов П., диак.* Константинопольская Православная Церковь [1908–1948 гг.] // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 37. С. 256–275.

39. Ермилов (2016) — *Ермилов П., диак.* Мелетий IV (Метаксакис) // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 44. С. 563–570.

40. Иванов (2014) — *Иванов С. Н.* Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 3 (58). С. 24–60.

41. Кострюков (2007) — *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 398 с.

42. Мазырин (2016) — *Мазырин А. В., свящ.* Подворье Константинопольской патриархии в Москве и проблемы межцерковных отношений в 1917–1938 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 104–123.

43. Мазырин, Кострюков (2017) — *Мазырин А. В., свящ., Кострюков А. А.* Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 376 с.

44. Мосс (2001) — *Мосс В.* Православная Церковь на перепутье (1917–1999) / Пер. с англ. СПб.: Алетея, 2001. 415 с.

45. Сергеев (2015) — *Сергеев Е. Ю.* Ультиматум Керзона Советской России 1923 г.: новая интерпретация // Вестник РГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 11 (154). С. 97–105.

46. Слесарев (2009) — *Слесарев А. В.* Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). М.: Изд-во Крутицкого подворья; О-во любителей церковной истории, 2009. 549 с.

47. Троицкий (1997) — *Троицкий С. В.* Афон и международное право // Богословские труды. М.: Изд-во МП, 1997. Вып. 33. С. 138–154.

48. Чибисова (2018) — *Чибисова А. А.* Автокефалия «под ключ»: некоторые факты из истории автокефалии Польской Церкви 1924 года // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 81. С. 64–80.

49. Чибисова, Ермилов (2018) — *Чибисова А. А., Ермилов П. В., свящ.* «Всеpravославный лидер»: Лозаннская конференция и роль константинопольского патриархата в православном мире // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. С. 186–199.

50. Шкаровский (2014) — *Шкаровский М. В.* Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М.: Индрик, 2014. 232 с.

51. Якушев (2013) — *Якушев М. И.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М.: Индрик, 2013. 534 с.

52. Καλαϊτζῆς (1991) — *Καλαϊτζῆς Χρ., διάκ.* Τὸ Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ «Ὁ ἅγιος Σέρργιος» καὶ οἱ ἠγούμενοι αὐτοῦ (1881–1936). Γενεύη, Κατερίνη, 1991. 838 σ.